

Посвящается Керби Макколи

Большое спасибо Рассу Дорру и Стиву Уэнтуорту из Бриджтона, штат Мэн. Рассу — за информацию по медицине, а Стиву — за информацию по американским погребальным обычаям и за то, что помог понять природу скорби.

Стивен Кинг

Вот некоторые из людей, написавших книги о том, что они сделали и почему:

Джон Дин. Генри Киссинджер. Адольф Гитлер. Кэрил Чессман. Джеб Магрудер. Наполеон. Талейран. Дизраэли. Роберт Циммерман, также известный как Боб Дилан. Локк. Чарлтон Хестон. Эррол Флинн. Аятолла Хомейни. Ганди. Чарльз Олсон. Чарльз Колсон. Викторианский джентльмен. Доктор Икс.

Также многие верят, что Бог написал Книгу или несколько Книг, в которых рассказал нам о том, что Он сделал, и — хотя бы отчасти — объяснил, почему Он так сделал. А поскольку многие верят и в то, что Бог сотворил человека по образу и подобию Своему, значит, и Бога можно считать человеком... или, точнее, Человеком.

А вот некоторые из людей, не писавших книги о том, что они сделали... и что видели:

Человек, хоронивший Гитлера. Человек, делавший вскрытие Джона Уилкса Бута. Человек, бальзамировавший Элвиса Пресли. Человек, подготовивший к погребению — и подготовивший весьма посредственно, по словам большинства гробовщиков, — папу Иоанна XXIII. Четыре десятка рабочих из похоронных бригад, которые очищали Джонстаун, таскали мешки с телами, отгоняли мух, протыкали бумажные стаканчики острыми палками, как у зрителей городских парков. Человек, кремировавший Уильяма Холдена. Человек, оправивший в золото тело Александра Македонского, чтобы оно не разлагалось. Люди, которые мумифицировали фараонов.

Смерть — загадка, похороны — таинство.

Предисловие

Когда меня спрашивают (а спрашивают меня часто), какая из моих книг мне самому кажется самой страшной, я не задумываясь отвечаю: «Кладбище домашних животных». Возможно, читатели считают иначе — судя по письмам, больше всего их пугает «Сияние», — но все люди разные, каждого из нас смешат и пугают совершенно разные вещи. Я знаю только, что в свое время спрятал подальше рукопись «Кладбища», понимая, что меня все-таки занесло и я слишком далеко зашел. Как потом оказалось, не так уж и далеко — по крайней мере в том, что приемлемо для читателей. Но в том, что касается моих личных переживаний, это действительно было слишком. Проще сказать, меня самого ужаснуло то, что я написал, и к каким заключениям пришел в этой книге. Я уже неоднократно рассказывал историю создания «Кладбища», но, наверное, можно ее повторить еще раз; последнее слово дороже любого.

В конце 1970-х меня пригласили на целый учебный год в мою alma mater, Мэнский университет, в качестве преподающего литературу писателя, также там я вел специальный курс фантастической литературы (заметки для лекций к этому курсу легли в основу книги «Пляска смерти», вышедшей в свет двумя годами позже). Мы с женой сняли дом в Оррингтоне, милях в двадцати от кампуса. Замечательный дом в замечательном крошечном городке

провинциального Мэна. Если нам что и не нравилось, так это дорога, проходившая перед домом. На ней было очень оживленное движение и постоянно ездили грузовики и цистерны от химического завода, стоявшего неподалеку.

Хулио Десанктис, хозяин магазинчика напротив нашего дома, сразу предупредил нас с женой, что надо хорошенько следить, чтобы дети и домашние животные не выбегали на дорогу. «Это плохая дорога. На ней гибнет много животных», — сказал нам Хулио, и эту фразу я потом перенес в книгу. Подтверждением его слов служило кладбище, которое располагалось в лесу за нашим домом, а точнее, за полем на соседнем участке. На дощечке, прибитой к дереву у входа на этот маленький трогательный погост, было написано: «КЛАТБИЩЕ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ». Эта надпись — именно такая, с орфографическими ошибками — не только вошла в мою книгу, но и стала ее названием. Там были похоронены собаки и кошки, несколько птиц, даже одна коза.

У моей дочери, тогда восьмилетней, был кот по имени Смаки, которого она обожала, но вскоре после переезда в Оррингтон я нашел его мертвым на лужайке у дома через дорогу. Кот моей дочери тоже погиб на плохой дороге, на шоссе номер 5. Мы похоронили его на кладбище домашних животных. Дочка сама соорудила надгробие и написала на нем: «СМАКИ: ОН БЫЛ ПОСЛУШНЫМ». (Разумеется, Смаки не был послушным; он был котом!)

Все вроде бы было нормально, пока в какой-то из вечеров я не услышал топот, доносившийся из гаража и сопровождавшийся плачем и странными хлопками, похожими на взрывы крошечных хлопушек. Я пошел посмотреть, что происходит, и обнаружил в гараже свою дочь, разъяренную и прекрасную в горе. Она нашла несколько больших листов пупырчатой пленки, которую используют для упаковки хрупких предметов, расстелила их на полу и давила пузырьки ногами с криками: «Это

был *мой* кот! Пусть Бог заведет своего кота! А Смаки был *мой!*» Я считаю, что подобная ярость — самая правильная реакция думающего, восприимчивого человека на настоящее, большое горе. И я всегда восхищался дочерью за ее дерзкий выкрик: *Пусть Бог заведет своего кота!* Все верно, малышка, все верно.

Наш младший сын, которому тогда не исполнилось и двух лет, еще только учился ходить, но уже всюду упражнялся в беге. В один не самый прекрасный день, вскоре после гибели Смаки, когда мы с соседями запускали воздушного змея у них во дворе, нашему малышу взбрело в голову побежать к дороге. Я рванул следом за ним и уже на бегу услышал, как по шоссе грохочет приближающийся грузовик «Чанбро» (в романе — «Оринко»). Я до сих пор не уверен, что именно произошло: либо я поймал сына и сбил его с ног, либо он упал сам. Когда тебе по-настоящему страшно, память нередко подводит. Я знаю только, что сын жив-здоров, он уже не ребенок, а молодой человек. Но где-то на самом краю сознания непрерывно маячит это кошмарное *а что, если*. Что, если бы я не успел его перехватить? Что, если бы он упал на дорогу, а не на обочину?

Думаю, теперь вам понятно, почему книга, возникшая из этих переживаний, так меня беспокоит. Я взял за основу реальные события и добавил к ним это ужасное *а что, если*. Иными словами, неожиданно для себя самого я не только помыслил немислимое — я его записал.

В нашем оррингтонском доме было не так много места, но в магазине Хулио очень кстати имелась свободная комната, где я и писал «Кладбище домашних животных». День за днем я работал над книгой и наслаждался процессом; я понимал, что сочиняю «забористую» историю, которая захватила мое внимание и непременно захватит внимание читателей, но когда работаешь день за днем, перестаешь видеть лес и только считаешь деревья. Закончив книгу, я дал ей отлежаться месяца полтора — я всегда

так работаю, — а потом перечитал на свежую голову. Результат был настолько ошеломляющим и пугающим, что я убрал рукопись в дальний ящик стола, убежденный, что эту книгу не напечатают никогда. По крайней мере при жизни автора.

Но обстоятельства сложились так, что ее все-таки напечатали. Я прекратил сотрудничество с издательством «Даблдей», где выходили мои первые книги, однако по условиям контракта, чтобы закрыть все счета, я должен был им еще одну, последнюю книгу. У меня в наличии имелась только одна «свободная» книга, и это было «Кладбище домашних животных». Я посоветовался с женой, к которой всегда обращаюсь, когда не знаю, как поступить, и она сказала, что книгу надо опубликовать. Она считала, что это хорошая книга. Страшная, да — но слишком хорошая, чтобы прятать ее от мира.

Билл Томпсон, мой первый редактор в «Даблдей», тогда уже перешел в другое издательство (кстати, в «Эверест хаус»; именно Билл предложил мне написать «Пляску смерти», а потом отредактировал ее и выпустил в свет), и я отослал рукопись Сэму Вону, одному из лучших редакторов того времени. Именно Сэм принял окончательное решение: он захотел сделать книгу. Он отредактировал «Кладбище» сам, уделив особенно пристальное внимание окончанию истории, и благодаря его вкладу изначально хорошая книга стала еще лучше. Я всегда буду благодарен ему за вдохновенную редактуру, и я ни разу не пожалел, что опубликовал эту книгу, хотя лично мне она до сих пор представляется жуткой и противоречивой.

Мне никак не дает покоя самая пронзительная фраза книги, произнесенная стариком Джадом Крэндаллом, соседом Луиса Крида. «Иногда смерть — не самое худшее». Я всем сердцем надеюсь, что это неправда, однако в кошмарном контексте «Кладбища домашних животных» все именно так и есть. И, быть может, это неплохо. Быть может, «иногда смерть — не самое худшее» — это последний

урок, который мы извлекаем из настоящего горя, когда устаем топтать ногами пупырчатую пленку и кричать Богу, чтобы завел себе собственного кота (или собственного ребенка), а наших не трогал. Быть может, это подсказка от мироздания: в конечном итоге мы обретаем покой в нашей человеческой жизни, только когда принимаем волю Вселенной. Возможно, это напоминает дурацкий эзотерический бред, но альтернатива видится мне беспросветной тьмой, настолько жуткой и тягостной, что мы, смертные существа, ее просто не вынесем.

20 сентября 2000 г.

Часть первая

КЛАТБИЩЕ ДОМАШНИХ ЖЫВОТНЫХ